

ОТЗЫВ

официального оппонента

кандидата философских наук, доцента Юрьева Романа Александровича
на диссертацию Фекондо Альфредо «Обоснование этики у Жака Деррида»,
представленную на соискание
ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.03 – История философии

Тема диссертационного исследования Фекондо Альфредо «Обоснование этики у Ж. Деррида» посвящена недостаточно изученному наследию известного французского философа позднего периода его творчества. Ж. Деррида в своем последнем интервью говорил, что его «еще и не начали читать», но при этом «конечно, существует немало очень хороших читателей». Автор диссертационного исследования отмечает «дискурс Деррида сам по себе неизменно направлен скорее на «диссеминацию», нежели на объединение; его мысль ускользает от всякой попытки систематизации» (С. 8 текста диссертации).

Актуальность исследования творчества Ж. Деррида связана с тем обстоятельством, что основные философемы французского мыслителя нельзя рассматривать только как процесс «иронического теоретизирования» (в духе Р. Рорти), свергающего авторитеты и деконструирующего предшествующую метафизическую традицию. Диссертант полагает, что нужно рассматривать его позднее творчество как результат серьезной озабоченности Ж. Деррида современным состоянием политического мира и его знаковыми трансформациями в виде отношения государства и нации, человека и гражданина, публичного и частного. Как отмечает А. Фекондо (С. 4–5 текста диссертации), «в центре подобных трансформаций находится проблема телетехнологических, экономических и медийных методов, связанных с политическими традициями и интерпретациями этих традиций. Эти методы предписывают переосмысление привычных категорий. Определяющий эффект телетехнологий – общая делокализация: они кладут начало отрыву с корнем от места, делокализации дома, *chez-soi*. Теле-техно-науки делают возможным процесс универсализации опыта, открывая путь для нового тоталитаризма, в более мягкой версии (в *soft*-версии), тонко разветвленного и инвазивного, то есть беспрецедентную возможность унификации и стандартизации сингулярностей, отличий, языков». Тем самым, если игнорируется это обстоятельство, то упускается из виду обширный пласт этической и

политической рефлексии Ж. Деррида, затрагивающий эти трансформации. Причем рефлексия Ж. Деррида никоим образом не может быть охарактеризована как «релятивизм» или «нигилизм». Риторические фигуры и текстуализм не должны вводить в заблуждение: «Деррида подчеркивает, что он никогда не отрекался от идеи философии как строгого поиска, от гиперфеноменологической строгости аргументации, которую перенял у гуссерлевской школы» (С. 16 текста диссертации). Как указывает в целях исследования А. Фекондо «цель исследования – показать плодотворность деконструктивного способа, ставящего под вопрос самость и суверенитет субъекта. Если перелицевать этот вопрос (вывернуть его наизнанку как перчатку), то мы неизбежно приходим к тематике безусловного гостеприимства» (С. 17 текста диссертации). При этом обнаруживается, что ни «язык», ни «сознание» как основные магистральные линии теоретической рефлексии XX века не являются определяющими методами и способами решения тех задач, которые Ж. Деррида ставит в рамках своей этико-политической философии, и это вполне последовательно демонстрируется автором диссертации.

Весьма примечательно, что А. Фекондо избегает историко-философских клише «постмодерн» и «постмодернизм», которые очень часто применяются как упрощенная характеристика взглядов французского мыслителя. Диссертационное исследование скорее выполнено в русле антимодернистской традиции, если ее понимать как традицию, отвергающую и справедливо критикующую характерную для модерна связку «знания-власти» и «калькулирующего» мышления, истоки которой можно найти еще у Ж.-Ж. Руссо и развитую К. Марксом, Ф. Ницше, М. Хайдеггером и др. Отсюда кажется очевидным, что импульс крайне критического отношения к модерну и обоснования этики должны быть даны таким образом, дабы избежать еще одного очередного проекта исторической ответственности, на которой споткнулся в свое время М. Хайдеггер.

В качестве разработанной методологической базы для исследования автор диссертации отдает предпочтение европейской традиции исследования творчества Ж. Деррида, в противовес американскому подходу, связанного с рассмотрением деконструкции не в контексте философии, а скорее литературы, социологии и политики. Тот же Р. Рорти в своей «Случайности, иронии, солидарности» сводит Ж. Деррида к так называемым «ироническим» мыслителям, наряду с Ф. Ницше и М. Хайдеггером, изобретающими еще одну

разновидность письма, тем не менее, оторванным от вопроса «что нам делать с нами самими?». Таким образом, деконструкцию Ж. Деррида при таком прочтении можно рассматривать как вариант некоего проекта универсальной «индивидуации», а не попытку ответить на вызовы современности. Европейский подход в этом смысле более плодотворен в связи с анализом оригинальных дискуссий французского философа с такими маститыми современниками как П. Рикёр, М. Фуко, Ю. Хабермас, Г.-Г. Гадамер, Л. Альтюссер, Ж.-Л. Нанси, Э. Левинас и др. Диссертант указывает, что в современной итальянской мысли (К. Реста, В. Коста, С. Регацони, М. Т. Пачиле и др.) идет активное изучение творчества Ж. Деррида, связывающей его творчество с более широким контекстом политической, юридической и этической проблематики.

Представляется, что, несмотря на тенденцию деконструктивистского подхода Ж. Деррида к дистанцированию от логоцентризма в этике, связанного с дихотомией «истина-ложь» (что преодолеваемо в такой категории как «гостеприимство»), диссертационное исследование выполнено во вполне трансцендентальном ключе, хотя А. Фекондо указывает, что «если речь идет о Деррида, то всегда речь идет о “квази”. Если бы речь шла о чистом трансцендентальном, то тогда оно было бы сводимо к типу присутствия, предваряющего *иного*, который только лишь впоследствии вступает в отношения» (С. 39 текста диссертации) и «дерридианская игра всегда является ходом “по ту сторону”, а не выходом, и квази-трансцендентальным» (С. 213 текста диссертации).

В первой главе «Статус концепции гостеприимства в этике Деррида» автор диссертации в качестве поворотного пункта в творчестве Ж. Деррида в этической проблематике указывает на факт влияния творчества Э. Левинаса. С. Петрозино отмечает этот момент следующим образом: «Отсылка к иному как образующий (предизначальный) фактор самой философской тематизации инаковости: иной уже, с самого начала (*dasempre*) активен – и это тезис Левинаса в вопросе об ином; всякое письмо об ином – и это тезис Деррида – с самого начала (*dasempre*) есть письмо, или лучше сказать, письма к иному» (С. 29–30 текста диссертации). Выбор подобного сопоставления далеко не случаен в виду факта их многолетнего знакомства и обмена идеями. Нужно отметить, что взгляды Э. Левинаса, выраженные в его концепции этико-религиозного характера, безусловно, можно рассматривать как реакцию и на масштабное политическое насилие XX века, так и как попытку обойти основания тотализирующего дискурса западной метафизики. Поэтому вопрос

Ж. Деррида «что происходит сегодня?» как вопрос, касающийся опасности возникновения нового тоталитаризма, может и должен быть справедливо рассмотрен в аспекте связи его творчества с философскими категориями Э. Левинаса.

В диссертации указывается существование фундаментального разрыва между этическим дискурсом Э. Левинаса и правом и политикой, по той причине, что этическое отношение бесосновно и само не может выступать в качестве такого основания. Ж. Деррида понимает этическое как безусловное принятие *иного* (событие *иного* и «да» *иному*) в отношении с которым субъект конституирует себя. «Да» *иному* – это основание коммуникации, а философский этический дискурс должен мыслить субъекта со стороны невыразимого. Замысел Ж. Деррида, представленный в диссертационном исследовании, мог бы быть понят как сознательное нарушение знаменитого запрета Л. Витгенштейна: «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать» и «ясно, что этика не может быть высказана». Но в случае с Ж. Деррида как представляется принцип обратный и потому подобное требование не работает, так как именно философия ставит границы невысказанному изнутри невысказанного, в первую очередь указывая на обстоятельства объективации этики, которая в строгом смысле будучи объективацией, этикой уже не является (и тогда, безусловно, «этика не может быть высказана» по выражению Л. Витгенштейна). Об этике можно сказать как о границе, на которой происходит столкновение с *иным*, где до любой объективации в письме, предполагается символическая экономика долга: «отношение к иному признается парадоксальным: “анахронизм долга”<...>Субъект конституируется в ответе и как ответ на предшествование, упреждение, призыв, гостеприимство, ожидание, на “да” иного, предшествующего займу <...> Следовательно, субъект порождается “да”, сказанном иному, субъект всегда есть ответ иному <...> Нет ничего, предшествующего ответственности. Всякая свобода человека совпадает с ответственностью. Жизнь всегда разворачивается под взглядом иного и всегда является ответом иному» (С. 67–68 текста диссертации). Мышление об *ином* связано с обстоятельством так называемой «ассиметрии взгляда» и здесь, как представляется, Ж. Деррида следует за парадоксом «трансцендентной имманентности» сознания, выявленной в феноменологии – тематическое сознание обнаруживает свою трансцендентность после процедуры редукции, невозможности привилегированного доступа субъекта к своей самости. Отсюда,

категория *иного* выступает как единственный источник конституирования субъекта. Например, как пишет Деррида, критикуя перформативную теорию «...на самом деле перформатив есть тонкий способ нейтрализовать событие» (Цит. диссертации, с. 35), что позволяет автору указать, что «не-предваряемость события со стороны перформатива говорит также, в более общих терминах, о не-предваряемости реальности со стороны языка» (С. 36). «Да» – это ответ *иному*, потому как объективация в языке и как следствие конституирование субъекта может быть полагаема в качестве вторичной. «Экономика задолженности» в отношении между субъектом и *иным* состоит в том, что наименование является своего рода символическим кредитом, благодаря которому субъект узнает сам себя: «мимоза (как всякая вещь, оса, Сена, грушевое дерево, солнце, “и так далее”, и другие вещи) есть иное, иная вещь: “без меня”» (Цит. диссертации, с. 54).

Как указывает А. Фекондо «эта концепция ответственности <...> асимметрично раскрывая меня взгляду иного, “больше не считает мой взгляд [...] мерой всех вещей”» (С. 72 текста диссертации) и «это абсолютное начало, это всегда новое начало есть дело “иного во мне”; поэтому я несу ответственность как за себя, так и за иного, и всегда “перед иным”» (С. 73 текста диссертации). Ответственность предшествует любой форме знания. Неустраняемая гетерогенность между «знанием» и «ответственностью» решается именно в пользу ответственности, поскольку любое знание означает только объективацию бесконечного, а подобную объективацию можно рассматривать как процесс ограничения, а в политико-юридическом смысле даже как форму насилия. Отсюда, и ответственность субъекта не может быть обнаружена перед ним самим ввиду его изначальной пустоты, его изначальная расположенность перед *иным* позволяет говорить, что «смерть иного – вот смерть первая»: «сознание есть гостеприимство: гостеприимство, отвечающее на полученное гостеприимство, гостеприимство, принимающее гостеприимство, которое ему предшествует и его принимает» (С. 94 текста диссертации). «Быть-пораженным-иным» – это изначальная судьба субъекта, поскольку «“суверенная деятельность разума” конституируется именно благодаря его “гостеприимной рецептивности”» (С. 105 текста диссертации). И хотя структура «закона гостеприимства» может быть выявлена в качестве апорийной, тем не менее, эта структура, состоящая в приостановке языка и конкретного культурно-исторического значения, является необходимым условием опыта *иного* и претендует на универсальный характер. Бесконечная ответственность может

быть тематизирована только апофатически как «не-есть» и «не-ответственность» в конкретном своем проявлении: бесконечная ответственность – это условие возможности невозможного.

Тем самым, первая глава, посвященная основаниям «квази-трансцендентального» означивания субъекта со стороны *иного* может быть рассмотрена как развертывание тех оснований, что должны лечь в основу собственно рассмотрения политико-правовых взглядов Ж. Деррида в главе диссертации под названием «Закон и справедливость». Если мы изначально бесконечно ответственны, то бесконечное гостеприимство в отношении к *иному* как конституирующего нас является абсолютно легитимно определяющим те наши значения, которые, так сказать, в конечном модусе присутствия субъекта, мы ошибочно приписываем в качестве своих, не понимая их в качестве изначально выданных символических кредитов. На С. 109–110 диссертант указывает: «об этом свидетельствует, например, опыт языка. «Так называемый “родной” язык – это уже “язык другого” <...> гостеприимство предшествует собственности. Речь идет о конститутивной экспроприации, которая представляет «у себя» (телесность, духовный мир, разум, язык, родину, жилище) как место иного, предоставленное иным, пространство гостеприимства, следовательно, прежде всего для того, кто изначально считал себя его собственником». В этом смысле субъект и хозяин, и заложник *иного* в отношении к нему. Антиномия свободы и ответственности по отношению к *иному* может быть рассмотрена как структурное различие между возможностью и невозможностью либо «фильтрации», «выбора», «исключения» и «насилия», приводящая к распаду идентичности в случае абсолютной непроницаемости – поскольку субъект конституирован *иным*, либо к распаду собственного. В этом смысле мир культуры, значений и смыслов, подчас имеющий противоречивые максимы по отношению к *иному* в образах «гостя», «чужака» и «врага» в разных исторических проявлениях выступает в роли медиатора между безосновным субъектом и принципиально нетематизируемым *иным*. На С. 131 текста диссертации А. Фекондо указывает «в самом сердце закона, между двумя режимами закона, между *Законом* и *законами*, заложена анти-номия, противоречивость, и, одновременно, нераздельность. Существует взаимное привлечение и исключение, соучастие и разобщенность». Отсюда и вся противоречивость многочисленных смысловых горизонтов и их конкуренция отмечена печатью неустранимой сингулярности и претензии на абсолютную привилегию (на с. 193 текста диссертации указаны «мессианизм или

определенные мессианские образы иудейского, христианского или мусульманского рода, идея в кантовском смысле, эсха-телеология неогегельянского, марксистского или пост-марксистского рода и т.д.»).

Рассуждения о демократии Ж. Деррида касаются ее свойства «аутоимунности», связанного с отсутствием ее подлинного значения и изначальной апорийности. «Грядущая демократия» – это *иное* нынешней политики и права, в которой может часто реализовываться *иное* самой демократии, связанное с апориями равенства и свободы, где страх перед *иным* приводит к страху распада собственного и, как следствие, к утрате своей идентичности. Однако, содержащаяся в идее демократии аутоимунность является уникальным исторически случайным и важным для сохранения параметром ее бытия, так как «политическая критика не может не учитывать “абсолютную и внутренне присущую историчность уникальной системы, вмещающей в себе, в собственном понятии, эту формулу аутоимунности, которую называют правом на самокритику и на способность к усовершенствованию”». Такое осмысление «грядущей демократии» как *иного* сегодняшней демократии пусть даже и если сопровождается «колебаниями» является вместе с тем и открытием пространства *свободы* и *ответственности*. Как указывает на С. 232 текста диссертации А. Фекондо «*опыт свободы*» – *остающийся двусмысленным и волнующим, подверженным угрозе и угрожающим, с неизбежно чрезмерной ответственностью*. Важную роль в «грядущей демократии» должна играть «мысль о событии или разуме, покорный опыту, предполагает свободу, всегда открытую, готовую принять *инаковость* приходящего, решившую воздержаться от желания присвоить ее в *самости* суверенной власти и исчислимого знания» (С. 236 текста диссертации).

Безусловно, автором диссертации проделан колоссальный труд по систематизации поздних взглядов выдающегося французского мыслителя. С учетом того, что не так много диссертационных работ посвящено наследию Ж. Деррида, исследование, проведенное А. Фекондо, выглядит значительным событием в этом направлении. Особенно стоит отметить особенную оригинальную стилистику автора, в которой риторика и логика, образуя единое целое, четко и недвусмысленно прослеживаются мысль далеко не простых рассуждений французского мыслителя. Особым вкладом автора в исследовании наследия Ж. Деррида является как анализ важных первоисточников, так и внушительного числа работ сформировавшейся в наши дни комментаторской традиции. Не будет преувеличением сказать, что диссертационное исследование

А. Фекондо в том числе и как результат взаимодействия со специалистами в области современной французской философии исследовательского центра «Prologos. Группа для открытия, исследования, обучения философии» (CentroRicerche «Prologos.Gruppo per scoprire interrogare insegnare la filosofia») выступает в качестве моста, связывающего российскую и европейскую традиции изучения современной философии. Это, несомненно, должно большую сыграть роль в анализе философии Ж. Деррида в отечественной науке. Нельзя не отметить структурированность, актуальность и важность поставленных проблем и методов их решений, в свою очередь, являющихся перспективными для дальнейших исследований. При этом отмечая научную новизну и оригинальность положений, вынесенных на защиту, связанных с обоснованием этики у Ж. Деррида можно высказать несколько замечаний:

1. А. Фекондо, говоря о вторичном характере субъективности Ж. Деррида, не упоминает сходные положения, которые можно обнаружить у Ж. Лакана, связанные со «стадией зеркала». Ведь обыгрывание вторичного характера субъективного имеет истоки, связанные в том числе и с этимологическим обыгрыванием у Ж. Лакана «субъекта» как «сюжета», «порядка символического», «подданного», «предмета» и т.д. Поэтому насколько можно определенно говорить, что сконструированность субъектом вне себя, *иным* является результатом только феноменологического наследия в творчестве Ж. Деррида?

2. Что касается «безусловной ответственности» и «грядущей демократии», то возникает такой вопрос. Ведь если «безусловная ответственность» является предустановленной со стороны *иного*, то не выступает ли понятие «грядущей демократии» некоей целью, благодаря которой событие *иного* в очередной раз будет предано забвению «исчисляющей» рациональностью? Потому что если это так, то таким образом предустановленная «безусловная ответственность» как средство и «грядущая демократия» как цель могут быть рассмотрены в качестве еще одного метафизического проекта, в котором будут определены новые параметры «фильтрации», «выбора», «исключения» и «насилия». Отсюда, кажется важным будет являться пояснение того как это окончательно можно было бы избежать.

Высказанные замечания не умаляют научной ценности и новизны диссертационного исследования. Диссертационное исследование выполнено на высоком исследовательском уровне, апробировано на научных конференциях и представлено в научных публикациях, среди которых три в журналах из списка ВАК. Актуальность, поставленная проблема, новизна положений, выносимых на

защиту, их достоверность и обоснованность не вызывают сомнений. Автореферат полностью отражает содержание текста диссертации, основные тезисы которой свидетельствуют о решении важной научной задачи в области истории философии.

На основании сказанного выше считаю, что диссертация Фекондо Альфредо «Обоснование этики у Жака Деррида» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01 октября 2018 г.), а ее автор, Фекондо Альфредо, заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии.

Официальный оппонент
доцент кафедры истории философии и логики
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
кандидат философских наук
(09.00.01 – Онтология и теория познания),
доцент

Юрьев Роман Александрович

03.02.2020

Подпись Р. А. Юрьева удостоверяю:

Сведения об образовательной организации:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36;

+7 (382-2) 529-585; rector@tsu.ru; <https://www.tsu.ru>